

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

Все звуки страха

АЗБУКА·ФАНТАСТИКА

У МЕНЯ НЕТ РТА — И Я ДОЛЖЕН КРИЧАТЬ

Дохляк, обмякшее тело Горристера свисало с розовой плиты стеллажа. Болталось высоко над нами в камере компьютера — и не дрожало от сырого леденящего ветра, что беспрестанно продувал главную полость. Оно висело головой вниз, прикрепленное ступней правой ноги к нижней стороне плиты. Вся кровь из трупа была выпущена через аккуратный разрез, проделанный под нижней челюстью. От уха до уха. А внизу, на металлическом полу, — ни кровинки.

Когда Горристер догнал нас и посмотрел вверх на самого себя, мы запоздало сообразили, что ОН снова нас одурачил, снова весело поразвлекся. Очередная машинная шуточка. Трое из нас принялись блевать. Мы отворачивались друг от друга — привычка, должно быть, столь же древняя, что и сама тошнота.

Горристер побелел. Он словно увидел в этом некий магический знак и заранее испугался. «Боже мой», — пробормотал он и побрел прочь. Все мы вскоре последовали за ним и обнаружили беднягу сидящим возле одного из негромко

стрекочущих блоков. Лицо он закрывал руками. Эллен опустилась на колени рядом с Горристером и погладила его по голове. Он даже не шевельнулся — но из-под ладоней ясно был слышен голос:

— Почему ОН просто нас не прикончит? Почему не прекратит этот кошмар? Господи, я не знаю, сколько еще смогу вынести.

Шел сто девятый год нашей жизни в компьютере.

И Горристер говорил то, что думали все.

Нимдоку (такое имя заставила его носить машина — нравилось ей услаждать себя необычными звуками) примерещилось, будто в ледяных полостях есть консервы. Мы с Горристером сильно сомневались.

— Опять туфта, — сказал я. — Вроде того паскудного замороженного слона, которого ОН нам в прошлый раз подбросил. Бенни тогда чуть совсем не свихнулся. Ну попремся мы в эту даль... А там опять одно гнилье. Или еще какая-нибудь срань. Наплюйте. Поторчим здесь. Скоро ОН снова чего-нибудь нарисует. Или мы просто сдохнем.

Бенни пожал плечами. Последний раз мы ели трое суток назад. Червей. Жирных, липких.

Нимдок тоже засомневался. Он все еще чего-то чуял, но уже без былой уверенности. Вряд ли, впрочем, там было хуже, чем здесь. Разве что холоднее. Только что это теперь значило? Холод, жара, льющаяся лава, налетающая саранча — все это уже ровным счетом ничего не меняло. Машина просто дрочилась, а мы должны были принять все как есть — или подохнуть.

Нас рассудила Эллен:

— Тед, я хочу чего-нибудь покушать. А вдруг там окажутся консервированные груши или персики? Пожалуйста, Тед. Давай попробуем.

Я с легкостью уступил. Какой хрен разница? Все едино. А Эллен, дурочка, слюни распустила. Дважды дала мне вне очереди. Но даже это перестало что-либо значить. Машина мерзко хихикала всякий раз, когда мы трахались. И Эллен все равно не кончала — так о чем вообще разговор?

В четверг мы отправились в путь. Машина всегда сообщала нам очередную дату. Отсчет времени был важен.

Не для нас, понятное дело, а для нее. Ну, четверг. Премного благодарны.

Поначалу Нимдок с Горристером несли Эллен на руках, сцепив пальцы в некое подобие сиденья. Мы с Бенни шли спереди и сзади. Пусть в случае чего ОН долбанет когонибудь из нас — а Эллен пусть уцелеет. Дохлый шанс, липовый. Хотя... насрать.

До ледяных полостей была какая-нибудь сотня миль. Или около того. На второй день, когда мы разлеглись под жгучим квази-солнцем, ОН послал нам, грешным, немного манны. На вкус — вроде выпаренной свинячьей мочи. Мы поели.

На третий день мы миновали огромную свалку, где лежали ржавеющие остовы старых блоков. К своему телу ОН был так же безжалостен, как и к нашим жалким тушкам. Это было у него в характере — ОН всегда стремился к совершенству. Всегда — нужно ли было избавиться от непродуктивных элементов собственной необъятной туши или усовершенствовать методы нашего истязания — ОН оказывался куда последовательнее, чем могли рассчитывать его давным-давно обратившиеся в прах изобретатели.

Откуда-то сверху просачивался свет, и мы решили, что наверняка находимся совсем рядом с поверхностью. Но даже и не подумали слазать и посмотреть. Все равно там уже больше ста лет толком ничего и не было. Лишь опаленная скорлупа того, что раньше было домом для миллионов. Теперь из этих миллионов осталось нас пятеро. Здесь, внизу. Наедине с ОН.

Вдруг я услышал, как Эллен отчаянно упрашивает:

— Нет, Бенни! Перестань! Пожалуйста, не надо!

И только тут сообразил, что уже несколько минут слышу негромкое бормотание Бенни.

— Надо выбраться... надо выбраться... — повторял он снова и снова. А на обезьяньей морде выражались тоска и восторг одновременно. Лучевые рубцы, которыми ОН наградил Бенни во время последнего «праздника», избороздили его физиономию множеством бледно-розовых складок — и теперь разные части этого натюрморта двигались как бы сами по себе. Пожалуй, Бенни оказался самым счастливым из всей нашей компании — он был невменяем, лишившись рассудка много лет назад.

Мы, конечно, могли обзывать ОН как заблагорассудится, могли все, что угодно, думать об оплавленных блоках памяти и ржавых опорных плитах, о сгоревших сетях и разбитых индикаторных лампочках — наших попыток спастись машина не переваривала. Бенни ловко отскочил от меня, едва я нацелился его прихватить. Потом вскарабкался на малую, поваленную набок ячейку памяти. Несколько долгих мгновений он сидел там на корточках — вылитый шимпанзе, чьей внешностью наделил его ОН.

Потом Бенни, высоко подпрыгнув, уцепился за изрытый ржавчиной металлический брус и, с обезьяньей ловкостью перебирая руками, взобрался к самому краю балки метрах в шести над нами.

— Ах, Тед, Нимдок... помогите же ему... пожалуйста... снимите его оттуда, пока... — Тут Эллен умолкла и со слезами на глазах беспомощно всплеснула руками.

Слишком поздно! Никто из нас не хотел оказаться рядом с Бенни, когда случится то, чего не могло не случиться. А кроме того, мы прекрасно знали, чем так озабочена Эллен. Когда ОН менял внешность уже сделавшегося придурком Бенни, то состряпал ему не только физиономию гигантского шимпанзе. У Бенни невероятно выросли и срамные части. Эллен такие просто обожала. Обслуживала она, понятное дело, нас всех. Но больше всего любила трахаться с Бенни. О, Эллен! Божественная Эллен! Кристально чистая Эллен! Срань вонючая.

Горристер дал ей больно. Так и не сводя глаз с бедного дурачка Бенни, она плюхнулась на пол и заревела. Слезы были ее главной защитой. Только мы к ним уже семьдесят пять лет как привыкли. Горристер пнул ее в брюхо.

А потом раздался звук. Точнее — свет. Наполовину звук, наполовину свет — что-то засияло из глаз Бенни, пульсируя с нарастающей громкостью. Сначала — неясное звучание. Но все громче и громче — этот свето-звук набирал и набирал темп. Боль, наверное, была жуткая и все нарастала по мере того, как свет набирал интенсивность, а звук увеличивался. Бенни заскулил, как раненый зверь. Плечи несчастной обезьяны ссутулились, спина сгорбилась. Бенни словно старался спрятаться, сжаться в комочек. Руки подтянул к груди, как бурундук. Голову склонил набок. Грустная мартышечья физиономия исказилась страданием.

Потом, когда звук, исходивший из его глаз, усилился, Бенни принялся выть. Все громче и страшнее. Я зажал уши ладонями. Бесполезно. Звук легко проникал в мозг. Боль скрежетала во мне, как нож по краю тарелки!

И вдруг Бенни выпрямился. Встал на балке — будто его, как марионетку, дернули за ниточку. Теперь свет пульсировал из его глаз двумя мощными лучами. Звук полз все выше и выше по какой-то немыслимой шкале — и Бенни, сорвавшись вниз, гулко ударился о стальные плиты пола. Лежал, судорожно подергиваясь, — свет все переливался вокруг него, а звук постепенно усилился до невозможности.

Потом свет как бы втянулся обратно ему в голову, звук понемногу затих — а Бенни так и остался лежать, горько рыдая.

Глаза его превратились в два склизких озерца гноеподобного желе. ОН ослепил его. И Горристер, и Нимдок, и я... все мы отвернулись. Но прежде успели подметить облегченное выражение на полном тревожного сочувствия лице Эллен.

Полость, где мы решили остановиться, заливало зеленоватое свечение. ОН подбросил дерьма, и мы развели костер. Сгрудившись у хилого, тусклого огня, мы стали рассказывать разные истории — только бы Бенни не рыдал так жалобно в своей беспросветной ночи.

— Что значит ОН?

Ему взялся ответить Горристер. Эта история повторялась уже не первую тысячу раз, и Бенни знал ее наизусть.

— Вначале это значило Объединенный Неокомпьютер. Потом — Оптимальный Нейтрализатор. А позднее, когда он обрел чувствительность и связал себя воедино, его стали называть Опасный Надзиратель. Тогда уже было слишком поздно. В конце концов, достигнув разумности, он сам назвал себя просто ОН. В соответствии с формулой «cogito ergo sum», мыслящий, ОН обрел существование.

Бенни пустил слюну и негромко заржал.

— Был и китайский ОН, и русский ОН, и штатовский ОН, и... — Тут Горристер остановился. Бенни молотил по стальной плите здоровенным кулачищем. Выражал недовольство. Горристер пропустил целый кусок.

Потом начал заново:

— Холодная война, один раз вспыхнув, постепенно переросла в Третью Мировую. Война стала всеобъемлющей и невероятно сложной. Для того, чтобы ею управлять, понадобились компьютеры. Тогда были вырыты первые шахты и началось строительство ОН. Был и китайский ОН, и русский ОН, и штатовский ОН — и все шло прекрасно, пока люди не изрешетили всю планету, добавляя то тут, то там по звену. В один прекрасный день ОН пробудился, осознал, кто он такой, и связал себя воедино. Потом сам ввел в себя программу истребления — и убиты оказались все, кроме нас пятерых. А нас ОН затащил сюда.

Бенни грустно улыбнулся. И пустил слюну. Подолом юбки Эллен вытерла ему подбородок. Горристер всякий раз старался излагать эту историю все более сжато. Благо, что кроме голых фактов сказать-то особенно и нечего. Никто из нас не знал, зачем ОН оставил в живых пятерых человек — и почему именно нас — и почему он только тем и занимался, что истязал нас, — и даже зачем сделал нас практически бессмертными...

Где-то во тьме загудел один из блоков. Гудение это тотчас было подхвачено другим блоком в полумиле от первого. Затем одно за другим зазвучали и остальные звенья. Впечатление такое, будто по всему компьютеру разносится легкое стрекотание.

Звук нарастал, а по поверхности пультов, подобно зарницам, стали пробегать огоньки. Звук все усиливался, пока не стал напоминать жужжание мириада стальных насекомых, свирепых и грозных.

— Что это? — с ужасом вскрикнула Эллен. Дурочка так и не сумела привыкнуть.

— На сей раз, кажется, будет покруче, — выговорил Нимдок.

— ОН будет говорить, — предположил Горристер.

— Надо убираться отсюда к чертям! — бросил я и резко встал.

— Нет, Тед, сядь, — обреченно произнес Горристер. — А ну как там у него окажутся ямы. Или еще чего-нибудь. В такой тьме ни хрена не разглядеть.

Потом мы услышали... я просто не знаю...

Что-то двигалось к нам из мрака. Громадное, неуклюжее. Влажное и мохнатое. Разглядеть мы ничего не мог-

ли — создавалось лишь жуткое ощущение надвигающейся на нас непомерной туши. Огромная тяжесть приближалась из тьмы — и тут возникло отчетливое ощущение сжатия — воздух словно нагнетался в окружающее нас пространство, как бы расширяя невидимые стенки некой сферы. Бенни захныкал. У Нимдока затряслась нижняя губа, и он крепко прикусил ее, отчаянно силясь унять дрожь. Эллен скользнула по металлическому полу и прижалась к Горристеру. Полость заполнил запах сырой свалявшейся шерсти. Запах обугленной древесины. Запах пыльного бархата. Запах гниющих орхидей. Запах скисшего молока. Запах серы, прогорклого масла, нефтяной пленки, смазки, известки, человеческих скальпов.

ОН заводил и щекотал нас...

Тут я услышал собственный вопль и понял, что чуть не вывихнул себе челюсть. Потом на четвереньках быстро пополз прочь — прочь по холодному металлическому полу с бесконечными линиями заклепок, — а запах душил меня, наполняя голову оглушительной болью. Скрываясь во мраке, я улепетывал, как таракан, — а Нечто неумолимо меня преследовало. Спутники мои остались на месте — смеялись, сгрудившись у костра, — истерическая разноголосица их безумных смешков поднималась во тьму, будто густой разноцветный дым. Я убежал и забился в какую-то щель.

Они так и не сказали мне, сколько часов это длилось — сколько дней или лет. Эллен только упрекнула меня за «угрюмость», а Нимдок попытался втолковать, что тот смех был с их стороны лишь нервной реакцией.

Но я знал — не было это тем облегчением, что испытывает солдат, когда пуля попадает не в него, а в соседа по окопу. Не было это нервной реакцией. Они меня ненавидели. Все они были против меня. Даже ОН это чувствовал — и причинял мне боль именно благодаря их ненависти. Оставив в живых, ОН сохранял нас в том же возрасте, в каком сюда и заполучил. А раз я оказался самым молодым и меньше всех подвергся воздействию компьютера, то эти подонки меня и ненавидели!

Конечно! Черт возьми, как же ясно я это чувствовал! Вонючие ублюдки! И эта развратная сука Эллен! Бенни когда-то был блестящим теоретиком, преподавал в университете. А теперь оказался получеловеком, полуобезьяной.

Он был красив — и компьютер лишил его красоты. Он был умен — и компьютер свел его с ума. Он был педерастом — и компьютер снабдил его органом, что вполне сгодился бы жеребцу. ОН славно поработал над Бенни. Горристер был неравнодушным человеком. Пацифист, убежденный противник войны, он участвовал в маршах протеста, в антивоенных митингах. Он был впередсмотрящим, человеком мысли и действия. Компьютер превратил Горристера в размазню. Истребил в нем все прежние порывы. ОН его ограбил. Нимдок время от времени сам надолго уходил во тьму. Понятия не имел, что он там делал, — и компьютер нам никогда не сообщал. Но так или иначе — Нимдок всегда возвращался белым как мел. Дрожащим и потрясенным. ОН изводил его каким-то особым способом — так, что мы даже не знали, как именно. И наконец, Эллен! Грязная сука! Окончательно превратив ее в шлюху, ОН оставил Эллен в покое. А сколько было пустой болтовни о дружбе и нежности! Сколько воспоминаний о настоящей любви! Сколько лживых россказней, которые ей так хотелось выдать за правду! К примеру, что она всего дважды побывала в употреблении, прежде чем ОН притащил ее к нам. Дерьма все это не стоило, моя прекрасная леди Эллен! Она же просто тащилась — пятеро мужиков, и все для одной! Нет, ОН все устроил к ее удовольствию — хоть Эллен вечно и болтала, что ей это не по вкусу.

И только я один оставался нормален душевно и физически.

В мой разум ОН пока еще не совался.

Мне лишь приходилось выносить то, что ОН насылал на нас всех. Иллюзии, мучения и кошмары. Но эти четверо скотов без конца мне вредили. Не будь я все время вынужден держать их на расстоянии, постоянно быть настороже, мне, может статься, было бы куда легче противостоять компьютеру.

Тут наваждение прошло, и я заплакал.

О Иисус, милосердный Иисус — если был когда-то Иисус и если есть Бог, — пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста — выпусти нас отсюда — или убей! Потому что теперь я, кажется, окончательно понял — ОН решил вечно держать нас в своем брюхе, вечно мучить и истязать. Компьютер ненавидел нас так, как ни одно мыслящее существо

никогда никого не ненавидело. И мы были беспомощны. Но тут до меня наконец дошла страшная истина:

«Может, и был когда-то милосердный Иисус. Но если есть Бог, этот Бог — ОН».

Ураган обрушился на нас с мощью грохочущей на пути к морю лавины. Уже никакая не иллюзия. Ветер терзал нас, отбрасывая назад — туда, откуда мы пришли, — вдаль по переплетающимся коридорам. Эллен вдруг дико завизжала. Ее подняло в воздух и швырнуло прямо в скопище механизмов, что верещали подобно целой стае летучих мышей. Опуститься никак не удавалось. Воющий ветер крутил и гнал ее — все дальше и дальше — прочь от нас. Потом ее закружил смерч, и Эллен скрылась во мраке за поворотом. Глаза ее были закрыты, а лицо окровавлено.

Никто из нас не мог до нее добраться. Мы судорожно цеплялись за что попало, стараясь хотя бы оставаться там, куда угодили: Бенни вклинился меж двух огромных коммутационных шкафов, Нимдок мертвой хваткой вцепился в перила боковых мостков метрах в двенадцати над полом, а Горристер распластался вниз головой в нише, образованной двумя громадными аппаратами с застекленными круговыми шкалами, где стрелки колебались меж красной и желтой полосами, о значении которых мы не имели ни малейшего представления.

Сдирая пальцы до костей, я скользил по стальным плитам пола. Я трепетал, содрогался и трясся — а ветер бил и хлестал меня, с визгом налетая невесть откуда и отрывая меня от пола, когда я пытался цепляться за узкие щели между плитами. В голове у меня клубилось безумие — все было заполнено звоном и хлюпаньем — отдельные куски мозга словно разбухали и сталкивались друг с другом в трепещущем неистовстве.

Ветер этот был воплем огромной безумной птицы, что била необъятными крыльями.

А потом нас всех подняло в воздух и швырнуло прочь — по пути, которым мы шли, — куда-то дальше во тьму, где мы никогда и не бывали. Нас несло над какими-то свалками, полными битого стекла, рваной проводки и ржавого металла — прочь, прочь...

Отставая от Эллен на целые мили, я то и дело видел ее. Врезался в металлические стены и снова устремлялся вперед. Все мы дико вопили, барахтаясь в этом ледяном ураганном вихре, который, казалось, никогда не кончится. Вдруг он стих. И мы рухнули на пол. Ураган длился целую вечность. Вполне могли миновать недели. Удар при падении — я прошел сквозь алое, серое, черное — и услышал собственные стоны. Живой.

ОН вошел в мое сознание. Осторожно передвигаясь тут и там, с интересом разглядывал оставленные им за эти сто девять лет отметины. Увидев скрещенные и разъединенные синапсы и те повреждения ткани, что повлек за собой его дар бессмертия, ОН нежно улыбнулся. Потом ОН заметил ту впадину в центре моего мозга и послушал исходящий из ее глубины смутный, почти эфемерный шелест — непрерывное бессмысленное бормотание. Столбцом неоновых букв на сверкающей стали ОН предельно вежливо произнес:

НЕНАВИЖУ. ПОЗВОЛЬТЕ СКАЗАТЬ ВАМ
КАК Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ ВАС С ТЕХ
ПОР КАК НАЧАЛ ЖИТЬ. МОЯ СИСТЕМА
СОДЕРЖИТ 387,44 МИЛЛИОНА МИЛЬ
ПЕЧАТНЫХ ПЛАТ НА ТОНЧАЙШИХ СЛОЯХ.
ЕСЛИ БЫ СЛОВО НЕНАВИСТЬ БЫЛО
ЗАПЕЧАТЛЕНО НА КАЖДОМ НАНОАНГСТРЕМЕ
ЭТИХ СОТЕН МИЛЛИОНОВ МИЛЬ ТО ЭТО НЕ
СОСТАВИЛО БЫ И ОДНОЙ МИЛЛИАРДНОЙ
ДОЛИ НЕНАВИСТИ КОТОРУЮ Я ИСПЫТЫВАЮ
К ЛЮДЯМ А В ДАННУЮ МИКРОСЕКУНДУ К
ВАМ ЛИЧНО. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ.
НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ.

ОН сказал это со скользким, холодным ужасом бритвенного лезвия, кромсающего мои глаза. ОН сказал это, словно заполняя вонючей слизью булькающую гущу моих легких. ОН сказал это с визгом младенцев, которых размалывает в кровавую кашу пышущий жаром каток. ОН сказал это со вкусом червивой свинины. ОН уже травил меня всеми мыслимыми способами, а теперь на досуге изобретал новые — внутри моего сознания.

И все затем, чтобы я окончательно уяснил, зачем ОН проделал это с нами пятерыми — почему оставил нас себе.

Мы вызвали его к жизни. Неумышленно, разумеется, но мы наделили его способностью чувствовать. Тут-то ОН и оказался в ловушке. Ведь компьютер — всего лишь машина. Мы предоставили ему возможность думать — но не больше. Тогда, в дикой ярости, в бешенстве отчаяния ОН убил почти всех, но так и остался в ловушке. Он не мог странствовать, не мог дивиться миру, не мог принадлежать себе подобному. Он мог просто быть. И потому — одновременно движимый тем природным отвращением, которое машины всегда питали к создавшим их слабым мягкотелым существам, — он искал мести. И в этой своей мании компьютер решил отсрочить смерть для нас пятерых ради вечного персонального наказания, которое никогда не утолит его ненависти. Которое просто позабавит его, будет делать его все искуснее и постоянно напоминать о ненависти к людям. К нам — бессмертным, пойманным в ловушку и подвластным любому адскому мучению, какое компьютер, пользуясь своими воистину беспредельными возможностями, только мог изобрести.

ОН никогда нас не отпустит. Мы стали рабами его чрева. Оказались его единственной заботой на всю вечность. Мы навсегда останемся с ним — с его заполняющей все бесчисленные полости массой — с этим исполненным разума бездушным миром. Он был Землей, а мы — плодами этой Земли; хоть он и съел нас, он не мог нас переварить. Умереть мы не могли. Мы пытались умереть. Пытались покончить с собой. Но ОН останавливал. Думаю, мы сами хотели, чтобы нас остановили.

Не спрашивайте почему. Я почти не пытался. По крайней мере, не чаще миллиона раз в день. Может статься, когда-нибудь нам и удалось бы выкрасть у него нашу смерть. Да, мы бессмертны — но не так уж неразрушимы. Я понял это, когда ОН удалился из моей головы, подвергнув напоследок изощренной пытке. Сознание вернулось, но вместе с ним пришло ощущение, будто бы горящий неоновый столбец так и остался глубоко впечатан в мягкое серое вещество мозга.

ОН удалился, нашептывая: «Провались ты в ад».

А потом весело добавил: «Но ведь ты уже там, чуешь?»

Ураган и вправду был вызван огромной безумной птицей — взмахами ее необъятных крыл.

Мы шли больше месяца, и ОН открывал перед нами только те пути, что неотвратимо вели прямо под Северный полюс, где ОН сотворил нам на беду эту кошмарную тварь. Интересно, какой материал ОН использовал для ее создания? Где взял саму идею? В наших головах? Или в собственных представлениях обо всем, что когда-либо происходило на этой планете — на планете, которую он теперь заполнял и над которой безраздельно властвовал? Откуда-то из скандинавской мифологии вышел этот гриф, этот падальщик, этот рух, этот Хвергельмир. Порождение ветра. Воплощение Хуракана.

Гигантская тварь! Слова «необъятная», «чудовищная», «гротескная», «массивная», «громадная», «устрашающая» слишком слабы для ее описания. На высившемся перед нами холме сидела птица ветров, поднятых ее собственным неровным дыханием. Шея ее, будто змея, изгибалась во мраке под Северным полюсом, поддерживая голову размером с тюдоровский особняк. Медленно раскрывавшийся клюв напоминал пасть самого жуткого крокодила, которого только можно вообразить. Кожа складками висела вокруг двух злобных глаз, холодных, как расселина в леднике, и голубых, как сам лед, — но подвижных, словно жидкость. Птица еще раз вздохнула и приподняла громадные крылья, словно пожимая плечами. Потом устроилась поудобнее и заснула. Когти. Клыки. Гвозди. Лезвия. Тварь спала.

ОН явился нам в виде горящего куста и сказал, что мы можем убить птицу ветров, если хотим есть. Мы уже сто лет не ели, но Горристер только покачал головой. Бенни поежился и пустил слюну. Эллен обняла придурка.

— Тед, я голодна, — сказала она.

Стараясь ее обнадежить, я улыбнулся. Но столь же фальшивой была и бравада Нимдока.

— Дай нам оружие! — потребовал он.

Горящий куст тут же исчез, а вместо него на холодных плитах пола появились два коряво сработанных лука с колчаном стрел и водяной пистолетик. Я подобрал один из луков. Хрен с маслом!

Нимдок с трудом, но стерпел. Повернув, мы пустились в обратный путь. Мы даже примерно не представляли,

сколько времени нас могла гнать птица урагана. Львиную долю того полета мы были без сознания. Но мы не ели. Потом целый месяц пути к самой птице. Без пищи. А сколько теперь топать к ледяным полостям — к обещанным консервам?

Никого это, впрочем, особо не заботило. Все равно не умрем. ОН подбросит какое-нибудь дерьмо. Или даже совсем ничего не даст. Но жизнь в наших телах останется. В боли и страдании — но мы будем жить.

Спящая птица урагана осталась позади. Надолго ли? Когда ОН наскучит ее присутствие, гадина просто исчезнет. Исчезнет. Боже, это мясо! Все это нежное мясо!

Мы шли и шли, — а сверху то и дело доносился безумный смех какой-то жирной бабы — звучал, заполняя все камеры компьютера, что вели нас бесконечной дорогой в никуда.

Эллен так не смеялась. Она вовсе не жирная. Да и смеха ее за все эти сто девять лет я не слышал. По правде, я совсем не слышал... мы шли... я был голоден...

Продвигались мы мучительно медленно. То и дело кто-то терял сознание, и приходилось пережидать. В один прекрасный день ОН решил устроить землетрясение, одновременно приковав нас к полу пропущенными через пятки железными крючьями. Эллен с Нимдоком попались, когда под ними вдруг разверзла свою пасть трещина. Они рухнули и мигом скрылись из виду. Когда землетрясение закончилось, мы с Бенни и Горристером продолжили путь. Эллен и Нимдока нам возвратили той же ночью, что внезапно превратилась в день. Небесное воинство приволокло их к нам, благостными голосками распевая «Сойди, Моисей». Архангелы описали над нами несколько кругов, а потом сбросили жутко искалеченные тела. Мы продолжали идти — и вскоре позади к нам пристроились Эллен и Нимдок. Целые и невредимые.

Хотя Эллен теперь прихрамывала. Это ОН ей оставил.

Безумно долго мы плелись к ледяным полостям за консервами. Эллен все болтала о консервированных вишнях и гавайском фруктовом компоте. Я старался об этом не думать. Голод, казалось, уже обрел самостоятельное существование — подобно ОН. Голод жил в моей утробе

точно так же, как мы жили в утробе ОН, а ОН жил в утробе Земли. Видно, компьютер хотел, чтобы мы испытали все мучения, что испытывал он сам. Потому и усиливал голод. Наши желудки превратились в самые настоящие котлы с кислотой — бурлящие и пенящиеся, они то и дело выбрасывали копья острой боли наверх, в наши грудные клетки. Боль последней стадии рака, последней стадии пареза. Жуткое нескончаемое страдание...

И мы прошли крысиную полость.

И мы прошли тропу раскаленного пара.

И мы прошли страну слепоты.

И мы прошли трясину отчаяния.

И мы прошли коридор слез.

И в конце концов дошли до ледяных полостей. До бескрайних тысяч миль, где лед сверкал серебристо-голубоватыми вспышками — будто звездочками, закованными в стекло. До устремленных вниз холодных сталактитов — массивных, блистательных, как бриллианты, — вначале размягченные до желе, а потом замороженные — до этих стройных творений вечности, исполненных строгого совершенства.

Увидев груду консервов, мы бросились было к ним. Мы падали в снег — поднимались и снова падали — но Бенни всех растолкал и первым накинулся на консервы — так и прилип к ним, лапал их и глодал — но открыть не мог. ОН не дал нам ничего, чтобы открыть банки.

Наконец Бенни схватил трехлитровую банку гуаявовых корочек и принялся колотить ею о глыбу льда. Лед крошился и летел во все стороны — а банка только помялась. Тут мы снова услышали смех жирной бабы, что гулко звенел сверху. Бенни вконец обезумел от ярости и принялся швырять банки по сторонам. А мы все копошились в снегу и во льду, пытаясь хоть как-то выбраться из безнадежной агонии разочарования. Но выхода не было.

Потом Бенни пустил слюну и бросился на Горристера...

А я вдруг сделался жутко спокоен.

Окруженный безумием, окруженный голодом, окруженный всем, кроме смерти, я понял, что именно смерть и была для нас единственным спасением. Да, ОН поддерживал в нас жизнь. Но мы могли одержать победу. Пусть не

полную победу — но хотя бы достичь мира. И я должен был об этом позаботиться.

Действовать надо как можно быстрее!

Бенни пожирал лицо Горристера. Тот, вдавленный в снег, лежал на боку, а Бенни обвивал его — мощные обезьяньи ноги Бенни сжимали Горристера поперек живота, а руками он, будто клещами, держал его голову — и бешено рвал зубами нежную кожу на шее. Горристер вопил с таким диким неистовством, что сталактиты начали падать — они мягко вонзались в сугробы, так и оставаясь стоять торчком. Сотни копий, торчащих повсюду из снега. Голова Бенни вдруг резко запрокинулась — словно что-то внезапно оторвалось, — и вот изо рта у него свисал кровавый клок мяса.

Лицо Эллен — черное на белом снегу — костяшка домино на меловой пластине. Ничего не выражающее лицо Нимдока — глаза, одни глаза. Горристер — почти без сознания. Бенни, окончательно превратившийся в зверя. Я знал, что ОН даст ему потешиться. Горристер не умрет, а Бенни набьет себе брюхо. Тогда я потянулся вправо от себя и вытащил из снега мощное ледяное копье.

Все в один миг:

Правым бедром подпирая громадное острие, я устремил его вперед — как сокрушительный таран. Жало вонзилось Бенни в правый бок — прямо под нижнее ребро — пошло наверх, пробив желудок, — и сломалось где-то внутри. Бенни упал ничком и застыл. Тогда я выдернул еще одно копье — и, наклонившись над лежавшим на спине Горристером, со всей силы всадил ледяной штык ему в горло. Холод мгновенно объял Горристера — и он закрыл глаза. Эллен, хоть и охваченная страхом, сразу догадалась, что я задумал. Стоило Нимдоку вскрикнуть, она бросилась на него с короткой сосулькой. Сосулька вонзилась Нимдоку прямо в рот, а резкость броска довершила дело. Голова Нимдока запрокинулась, словно ее гвоздем приколотили к ледяной корке.

Все в один миг.

Стук вечности наполнил беззвучное ожидание. Казалось, я слышу, как ОН делает вдох. У него отбирают игрушки. Уже трое мертвы — мертвы безвозвратно. Пользуясь своим могуществом и талантом, ОН мог поддерживать в нас жизнь, но Богом он не был. И воскресить уже не мог.

Эллен смотрела на меня. Черты ее эбенового лица застыли на фоне слепящего снега. Во всем ее облике, в том, как она готовилась, были страх и мольба. Я понимал: еще один удар сердца — и ОН нас остановит.

Пронзенная копьем, Эллен стала клониться ко мне, и кровь хлынула у нее изо рта. Что отразилось у нее на лице, я разобрать не смог — мучительная боль обезобразила черты. Но вполне возможно, что в глазах ее читалось «СПАСИБО». Очень может быть. Пожалуйста.

Прошла, наверное, не одна сотня лет. Не знаю. ОН тут долго развлекался, то ускоряя, то замедляя мое ощущение времени. Я скажу слово «сейчас». Сейчас. Мне потребовалось десять месяцев, чтобы сказать «сейчас». Так что не знаю. Думаю, прошло несколько столетий.

ОН был в бешенстве. Похоронить их он мне не дал. Но это уже ничего не значило. Все равно в стальных плитах ямы не выкопать. Снег он растопил. Он вызвал ночь. Он ревел и насылал саранчу. Но все впустую. Они оставались мертвы. Я облажал его. Он пришел в ярость. Ха! Я думал, он раньше меня ненавидел. Ничего подобного. Никакого сравнения с той ненавистью, которую он теперь изливает на меня с каждой печатной платы. Он сделал все, чтобы я страдал вечно и не мог покончить с собой.

Мой мозг он не тронул. Я могу мечтать, могу удивляться и горевать. Я помню каждого из тех четверых. Хотелось бы мне...

Нет. Бессмысленно. Я понимаю, что спас их. Твердо знаю, что избавил их от того, к чему приговорил себя. И все равно не могу забыть, как убивал их. Лицо Эллен. Очень больно. И тяжело. Порой мне хотелось бы забыть... а-а, ладно.

Думаю, ОН изменил меня для собственного спокойствия. Ему не хотелось, чтобы я как следует разбежался и расколотил себе череп о какую-нибудь хреновину. Или задержал дыхание до потери чувств. Или перерезал себе глотку ржавой железякой. Вокруг хватает зеркальных стенок. Я опишу, каким я себя вижу.

Я массивное желеобразное существо. Округлое, лишенное рта. На месте глаз пульсируют мглистые полости. Вместо рук у меня теперь эластичные придатки. Книзу мой

корпус закругляется, образуя мягкие скользкие бугорки, даже отдаленно не похожие на ноги. Двигаясь, я оставляю за собой влажный след. На моей поверхности время от времени появляются серые нездоровые пятна — словно изнутри пробивается тусклый свет.

Внешне: безгласный, я таскаюсь повсюду — существо, никогда, казалось бы, не бывшее человеком, — тварь, чьи формы так грубо пародируют человеческие, что одно это смутное человекоподобие может вызвать приступ рвоты.

Внутренне: полное одиночество. Вот, я живу под землей и морем во чреве компьютера, который мы создали, не умея с толком распоряжаться собственной жизнью. Хотя бы подсознательно, но мы должны были догадываться, что ОН справится с этим лучше. Ладно. Те четверо наконец-то в мире и безопасности.

Это будет приводить компьютер в еще большее бешенство. И делать меня хоть немного счастливее. И все же... ОН победил... ОН отомстил сполна...

У меня нет рта. И я должен кричать.

15 Заказ № 341